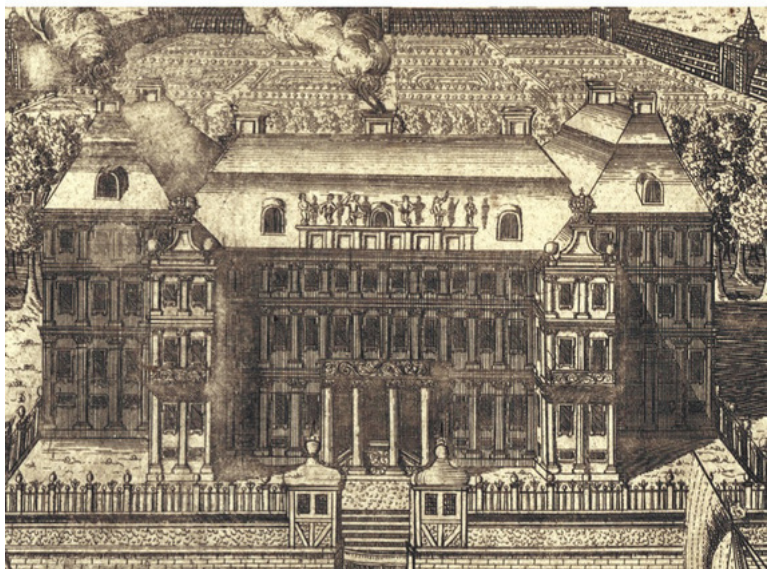

ая академия
будет...»
ельные
России
половине
1

«Регулярная академия
учреждена будет...»
Образовательные
проекты в России
в первой половине
XVIII века

**Майя Борисовна Лавринович
Игорь Федюкин
«Регулярная академия
учреждена будет...».
Образовательные проекты
в России в первой
половине XVIII века
Серия «Новые материалы
и исследования по истории
русской культуры», книга 11**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9002699

*«Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты
в России в первой половине XVIII века.: Новое издательство; Москва;*

2015

ISBN 978-5-98379-189-3

Аннотация

Сборник статей и архивных материалов «Регулярная академия учреждена будет...» открывает новые стороны

становления системы образования в России в первой половине XVIII века – одного из ключевых процессов в истории петровской модернизации. Публикуемые в книге ранее неизвестные или малодоступные источники различного происхождения – личные, делопроизводственные, законодательные – содержат проекты создания или реформирования образовательных институций, учебные и методические программы, предлагавшиеся академиками, чиновниками, преподавателями и даже авантюристами. Опираясь на эти источники, авторы вошедших в сборник статей показывают, что становление школы западного образца в России в петровскую и послепетровскую эпоху было делом рук не столько государства, сколько административных предпринимателей – «прожекторов», использовавших государственные ресурсы для достижения собственных целей.

Содержание

Введение	7
«Прожектеры» как административные предприниматели: становление раннемодерных государственных институтов и индивидуальная инициатива	15
Основание Морской академии: документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715– 1723	60
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**«Регулярная академия
учреждена будет...»:
Образовательные проекты
в России в первой
половине XVIII века
Составители
Игорь Федюкин,
Майя Лавринович**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Школа актуальных гуманитарных исследований

Сборник научных статей и архивных документов подготовлен в рамках научно-исследовательской программы Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Издание осуществлено при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве

Научные редакторы и составители Игорь Федюкин, Майя Лавринович

Рецензенты:

доктор исторических наук,
профессор Игорь Владимирович Курукин,
доктор исторических наук, профессор Николай Николаевич Петрухинцев

В оформлении обложки использована гравюра Алексея Ростовцева «Дом светлейшего князя Меншикова» (1716; ГМИИ им. А.С. Пушкина)

Введение

Игорь Федюкин

Возникновение и развитие новых форм образования, как секулярного, так и духовного, новых образовательных институций различных типов составляло один из важнейших элементов российской модернизации в XVIII веке. С одной стороны, трансформация образовательных моделей в значительной мере определяла сам характер коренной социальной и культурной перестройки, произошедшей в стране в результате петровских реформ, ее содержание. С другой, устойчивость и необратимость этой трансформации были не в последнюю очередь обусловлены именно тем, что общество в достаточной степени усвоило новые культурные навыки, поведенческие нормы и модели социальных отношений, распространявшиеся во многом именно через образовательные каналы. Это, как кажется, верно и для других модернизационных эпизодов, в том числе и за пределами России: усилия по радикальной перестройке по «западному» образцу, предпринимавшиеся в XVIII–XIX веках в целом ряде стран, от Египта и Османской империи до Китая и Японии, неизбежно сопровождались попытками создать новую школу и на ее основе – новую национальную элиту¹. Петровские пре-

образования задали архетип таких реформ, а опыт России прямо изучался реформаторами как свидетельство способности незападной страны быстро освоить западные технологии и общественные институты².

В этом смысле история становления образовательной системы в России раннего Нового времени заслуживает пристального внимания не только со стороны историков, специально изучающих образование в послепетровской России и российскую историю XVIII века в целом, но и со стороны более широкого круга исследователей, интересующихся механикой реформ и модернизационных процессов. Традиционно история становления школы в России на рубеже Нового времени пишется как история реформ «сверху», как история правительственных планов и руководящих импульсов со стороны просвещенных монархов-реформаторов. Данная картина едва ли может считаться удовлетворительной.

Во-первых, за ее рамками остаются всевозможные формы неинституционализированного и негосударственного обучения, где роль правительства была минимальной или даже отсутствовала вовсе, включая как домашнее образование в разных его вариантах и частные школы, так и другие каналы получения знаний, в том числе через социальные сети. Изучение этих форм образования только начинается: отчасти оно сдерживается и сравнительной скудостью источников (разумеется, институционализированное обучение, особенно деятельность государственных школ, значительно лучше

документировано), но во многом и общей недооценкой в отечественной исторической литературе неформальных каналов распространения информации. Практически не изучены и формы организуемого государством в XVIII веке прикладного обучения на службе, через наставничество (служба в гвардии как форма подготовки офицеров, обучение так называемых юнкеров в Сенате и коллегиях и др.). Во-вторых, не получает должного внимания со стороны исследователей и история наиболее массовых государственных школ послепетровской эпохи, включая разветвленную сеть гарнизонных (и слившихся с ними впоследствии цифирных и адмиралтейских) школ. Охват этих форм обучения был на порядок больше, чем у тех столичных учебных заведений, которые обычно фигурируют в работах по истории русского образования XVIII века: фактически в них мы имеем своего рода первую общеимперскую сеть школ, просуществовавшую несколько десятилетий.

В-третьих, устоявшаяся парадигма оставляет мало места для инициатив «снизу» и вообще для деятельности каких бы то ни было акторов. Между тем при более внимательном рассмотрении целого ряда государственных новаций, образовательных и не только, выясняется, что своим появлением и обликом они обязаны не «государству» и «государственной политике», а как раз усилиям вполне конкретных «дельцов», развивавших соответствующие инициативы в своих собственных целях (пусть даже и пользуясь для это-

го своим официальным положением государственного чиновника и государственными ресурсами). Цели эти могли быть разными: от религиозно— или культурно-миссионерских до карьерных и придворно-конъюнктурных, — а чаще всего, разумеется, имело место сочетание разных целей. Однако объединяло все эти случаи то обстоятельство, что «государственная политика» в данной области (если она вообще существовала) была, как кажется, не столько самостоятельным источником и двигателем проектов, сколько лишь общей рамкой для реализации индивидуальных — и зачастую, весьма разнонаправленных — амбиций.

В данном сборнике мы сосредоточимся именно на вкладе в образовательные новации петровской и послепетровской поры индивидуальных акторов: на их мотивациях и методах деятельности, на их влиянии на формирование государственной политики и институционального ландшафта в сфере образования. В самом деле не секрет, что за период от начала реформ Петра до воцарения Екатерины II ландшафт этот изменился довольно радикально. Первые петровские школы были, по сути своей, домодерными учреждениями, обучение в них носило «цеховой», ремесленный характер. «Школа» мыслилась как совокупность учеников, собирающихся вокруг «мастера»-ремесленника и его подмастерьев: неслучайно в документах того времени Навигацкая школа обычно именуется во множественном числе — «школы», по числу учителей. К моменту же воцарения Екатери-

ны II Россия обладала уже целым рядом узнаваемо современных училищ, мало отличавшихся по своей структуре от классических школ XIX века. Деятельность этих учреждений определялась регламентами и инструкциями, предполагавшими в том числе иерархическую организацию персонала, четкое разделение функций, регламентацию и учебного процесса, и повседневного поведения учеников и учителей, более формализованные процедуры оценки знаний и поведения учащихся; училища эти нацелены не просто на обучение, но на «воспитание» ученика, на интериоризацию им предписанных норм поведения и мышления, достигаемую подробным моделированием его поступков и особой организацией школьного пространства, предполагающей изоляцию от внешнего мира и постоянное «надзирание». Построение таких образовательных институций в России первой половины XVIII века – как и вообще любые новации, как просвещение и любой прогресс в целом – традиционно воспринимается как результат усилий государства и государя. Между тем очевидно, что в России первой половины XVIII века не было бюрократического органа, который мог бы вести такую работу и которому можно было бы приписать авторство образовательных инициатив. Если говорить о государе, то напомним, что сам Петр I, насколько на сегодня известно, не написал ни одного хоть сколько-нибудь развернутого документа, посвященного образованию (в отличие от ряда других отраслей); его непосредственных преемников и преем-

ниц тем более сложно заподозрить в личном авторстве каких-то развернутых образовательных проектов. На практике разработка и реализация этих инициатив были делом рук отдельных административных предпринимателей, или «прожекторов», как их тогда называли, что не мешало, конечно, этим инициативам представляться в качестве мер государственной политики и даже составлять самое ее содержание.

Соответственно, представленные в данном сборнике работы ставят своей целью, во-первых, ввести в научный оборот ряд ранее не публиковавшихся или малодоступных исследователям текстов (меморандумов-доношений, регламентов и инструкций, проектов нормативных актов и связанных с ними протокольных решений, писем и др.) первой половины XVIII века, в рамках которых формулировались и предлагались подобные новации, а во-вторых, на примере этих документов показать роль, игравшуюся индивидуальными акторами в их создании и реализации, показать разные типы и формы «прожекторства», понимаемого в максимально широком смысле: не обязательно как создание текстов в особом, легко узнаваемом жанре обращений к монарху или крупному вельможе, но как все многообразие документов и действий, связанных с целенаправленным конструированием новых институтов и организационных форм. Соответственно, действующими лицами в публикуемых исследованиях становятся как прожекторы в устоявшемся смысле слова, вроде барона де Сент-Илера, так и государственные

деятели и министры, чиновники, педагоги, архиереи. Наша задача состоит именно в том, чтобы в самом первом приближении раскрыть общие механизмы реформ, показать роль «административного предпринимательства» в определении облика формирующихся институтов в России раннего Нового времени, в данном случае – образовательных институтов.

Русский текст публикуемых документов воспроизведен в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Орфография оригиналов сохранена за исключением мягкого и твердого знака, а также буквы *й*. В немецкоязычных текстах прописные и строчные буквы употребляются в соответствии с современной орфографией. Пометы канцеляристов приводятся в хронологической последовательности их написания. Пунктуационные знаки расставлены в соответствии с современными правилами, за исключением тех случаев, когда в оригинале употреблен другой знак.

примечания

¹ Сравнительная история таких реформ изучена недостаточно. Наиболее общий сравнительный обзор см.: *Ralston D. Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European*

World, 1600–1914. Chicago, 1990. См. также: *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 47–77.

² См., например: *Ekhtiar M.* An Encounter with the Russian Czar: The Image of Peter the Great in Early Qajar Historical Writings // *Iranian Studies*. 1996. Vol. 29. P. 57–70, здесь p. 1–2; *Dale S.F.* The Muslim Empires of the Ottomans, Safavids, and Mughals. Cambridge, 2011. P. 277; *Hillsborough R.* Samurai Revolution: The Dawn of Modern Japan Seen Through the Eyes of the Shogun's Last Samurai. Tokyo; Rutland (Vermont); Singapore, 2014. P. 37.

«Прожектеры» как административные предприниматели: становление раннемодерных государственных институтов и индивидуальная инициатива

Игорь Федюкин

Фигура «прожектера» и феномен «прожектерства» знакомы любому, кто интересовался историей петровских реформ – и за понятиями этими в историографии и научно-популярной литературе устойчиво закрепились вполне негативные коннотации. Такое отношение хорошо считывается, в частности, в известном замечании М.М. Богословского о Петре I, вокруг которого «жужжала целая толпа политических прожектеров, представлявших ему различные „пропозиции“, „изъявления“, „доношения“, „мемориалы“, содержавшие самые разнообразные реформационные планы»¹. «Прожектер» в таком устоявшемся понимании – заведомо авантюрист, в лучшем случае фантазер-энтузиаст, а то и прямо самозванец-мошенник, злоупотребляющий искренним ин-

тересом царя и его сподвижников ко всему новому, иностранному, «регулярному». «Прожектер» предлагает наивные, заведомо нереалистичные, а то и прямо вредные «проекты», руководствуясь собственными корыстными интересами, — и в этом отношении противопоставляется «настоящему» государственному деятелю, формулирующему не «проекты», но «проекты» реформ, исходя из подлинных государственных нужд.

Хотя в российской историографии прожектерство как явление прочно ассоциируется именно с петровскими преобразованиями, с эпохой увлечения Западом и появлением новых возможностей для амбициозных выскочек, в действительности «долгий» XVIII век, и в особенности десятилетия на рубеже XVII–XVIII веков, был «эпохой прожектерства» по всей Европе, не только в России²: современникам казалось, что их захлестывает вал предложений, обещающих (при помощи свежеизобретенных технических и организационных новшеств) моментальное решение той иной стоящей перед человечеством проблемы и, разумеется, сулящих обогащение авторам-прожектерам. Собственно, термин *Projecting Age*, «век прожектерства», для обозначения той эпохи ввел не кто иной, как Даниэль Дефо. В эссе 1697 года, своем первом значимом прозаическом произведении, писатель предложил реформы, касавшиеся самых разнообразных сюжетов: от улучшения дорог и исправления законодательства о банкротстве до создания благотворительных об-

ществ и просвещения женщин и солдат³. Эссе проникнуто духом оптимизма тем более примечательного, что за плечами у его автора к тому времени уже были закончившиеся провалом предприятия по разведению виверр и подъему затонувших сокровищ с помощью водолазного колокола. Дефо оставался прожектером всю свою жизнь, обнародовав незадолго до смерти «эффективную схему для немедленно-го прекращения уличных грабежей», но собственное увлеченное прожектерство не мешало ему печатно же обличать прожектеров как «хищников», противопоставляя их добропорядочным предпринимателям⁴. Дефо, однако, интересен тем, что стоит на переломе эпох: наряду со скептицизмом века предыдущего, его сочинения отражают и дух зарождающейся новой эпохи с ее первыми научными и технологическими прорывами, новообретаемую европейцами веру в то, что человеческая мысль и целенаправленные человеческие действия могут и должны преобразовывать общество. Именно этот нарастающий пафос сознательного преобразования, пафос рационального обновления и преднамеренного новаторства мы видим и в меняющемся на протяжении XVII века отношении к государственной деятельности вообще – в отходе от ее представления и легитимации как реставрации старого, как возврата к исконным порядкам и устранения накопившихся искажений и переходе к государственной деятельности как к «реформам», к изобретению нового (ра-

ционального) порядка, к открытому обновлению⁵. Одним из важнейших символов такой возможности целенаправленного преобразования, способности правителя побороть и природу, и человека (своих подданных), побороть, по словам Вольтера, «с тем, чтобы ее украсить», для многих европейцев становится Петр I. Сэмюэль Джонсон в своей апологии прожектёрства прямо относит Петра к числу «венценосных прожекторов» (royal projectors) наряду с Цезарем, Александром Македонским и иными⁶.

Как представляется, подобное обостренное внимание к прожектёрству со стороны современников неслучайно: рефлексия по поводу прожектёрства со стороны европейских интеллектуалов отражает ключевую роль, которую прожектёрство в широком понимании играло в построении институтов раннемодерного государства. В данной статье мы предлагаем предварительные соображения о механике прожектёрства как формы государственной деятельности и его соотношении с феноменом реформ вообще, о том, почему именно в Петровскую и послепетровскую эпоху прожектёрство оказалось особенно востребованным и особенно заметным для современников. Публикуемые в сборнике образовательные проекты первой половины XVIII века представляют в этом отношении весьма наглядный иллюстративный материал.

Хотя термин «проект» впервые фиксируется в русских источниках в 1705 году (и в варианте «прожект» в 1724 го-

ду), само понятие «прожектор» в России XVIII века, насколько можно судить, не употребляется⁷. Не подвергался феномен прожекторства в России и сколько-нибудь системному изучению: фактически единственным специальным исследованием прожекторов Петровской эпохи остается работа Н.П. Павлова-Сильванского, имеющая скорее обзорный характер и вышедшая уже более ста лет назад⁸. Опубликовав целый ряд важнейших проектов той эпохи и дав очерки деятельности некоторых наиболее заметных прожекторов, Павлов-Сильванский, однако, рассматривал их значение достаточно узко. Появление проектов-«доношений» для него важно постольку, поскольку указывает, что Петр «не был так одинок» в своем реформаторстве, что он «опирался на сочувствие общества, на готовность большинства к сближению с западом», а сами прожекторы – это носители «прогрессивных стремлений», движимые «крайним увлечением западной культурой»⁹. Проекты, рассмотренные Павловым-Сильванским, представляли интерес для него лишь потому, что предвосхищали или повторяли реализованные Петром реформы; расхождения же между предложениями прожекторов и последующими действиями царя зачастую трактуются ученым как проявления наивности, непрактичности излишне увлекающихся авторов. В то же время из работы Павлова-Сильванского видно, что невозможно провести четкую грань между «прожекторством» и серьезной

государственной деятельностью. Для самого Петра не существовало принципиальной разницы между меморандумами того же Федора Салтыкова (более всего из рассмотренных Павловым-Сильванским персонажей приближавшегося к чистому типу прожектера), написанными с очевидной целью привлечь внимание государя и вернуть себе его расположение, и документами, которые готовились ключевыми сотрудниками царя, в том числе по его прямому указанию: и те, и другие подлежали анализу и рассмотрению, прорабатывались профильными ведомствами, сопоставлялись с альтернативными проектами.

Обзорный характер носит и посвященный «прибыльщикам и доносителям» небольшой очерк М.В. Ключкова. Среди его наблюдений представляет ценность указание на обращения «снизу» как на один из устойчивых источников законодательной инициативы, берущий свое начало в давней традиции обращений к государю от частных лиц или групп населения (например, челобитная белозерцев 1539 года с просьбой об установлении земских учреждений). Исходя из этого, Ключков подчеркивает существование весьма широкого круга доносителей и прожектеров, в который он включает в том числе и князя Михаила Григорьевича Ромодановского, но одновременно противопоставляет «прожектеров» и «правительство», настаивая, что «правительство Петра Великого... было довольно самостоятельным» в отношении получаемых им проектов¹⁰.

Наиболее наглядно искусственность границы между проектерами и «настоящими» государственными деятелями видна в недавних работах С.В. Андрияйнена, подробно изучившего прожектёрскую деятельность Петра Ивановича Шувалова в ее и интеллектуальном, и придворно-политическом контексте¹¹, и Я.И. Лариной, посвященной деятельности Генриха Фика, составлявшего многочисленные проекты в силу своих прямых должностных обязанностей¹². С.В. Андрияйнен (следуя здесь В.Н. Строеву), придерживается определения проекта как особого вида публицистического произведения XVIII века, содержащего план преобразований, «адресованный императрице и/или высшим руководителям государства. Проекты писались особым языком, со своим комплексом риторических приемов, применявшихся для достижения поставленной цели»¹³. Исследователь видит несколько причин, обусловивших всплеск прожектёрства в России в эпоху Петра: это активная реформаторская деятельность самого царя, дававшая подданным возможность реализовывать свой творческий потенциал; карьерные соображения – стремление привлечь внимание монарха, получить награду или повышение; наконец, социально-экономический кризис – денежные затруднения короны и обнищание подданных, побуждавших современников к поиску рецептов финансового и фискального оздоровления. Андрияйнен выделяет два типа проектов: проекты универсальные

и проекты узкоспециальные («о развитии какой-либо одной идеи, способной принести государству пользу»); дает обзор прожектерства первой половины XVIII столетия; рассматривает особенности проектов как жанра, выявляя характерную структуру текстов и используемые авторами риторические приемы¹⁴.

Этим, однако, перечень работ, в которых предпринимается попытка комплексного изучения феномена прожектерства как формы государственной деятельности в России, по сути, и исчерпывается. Как можно видеть, в них прожектерство до некоторой степени описывается, но не объясняется: не ясны ни его механика, ни факторы, делающие тот или иной «прожект» возможным и успешным или, наоборот, провальным. Соответственно, не раскрывается и место прожектерства в осуществлении реформ, в построении раннемодеิร์นного государства в целом: в работах, посвященных преобразованиям той эпохи, доминирует макроподход, где предметом рассмотрения являются скорее широкие волны реформаторства и «контрреформаторства», но механизмы, определяющие содержание этих волн, конкретное наполнение институциональных преобразований, системно не рассматриваются. Не объясняются и движущие силы этих процессов: реформы во многом просто «происходят»¹⁵. Ярким исключением в этом смысле является недавно вышедший сборник, посвященный именно детальному изучению конкретных примеров реформаторства в Европе XVI–XVIII ве-

ков, многие из которых весьма близки к прожектерству в чистом виде¹⁶. Однако общей рамкой для рассматриваемых кейсов выступает именно культурный сдвиг, легитимация сознательного обновления: вопрос о том, почему реализуются именно те или иные анализируемые в сборнике проекты (а не какие-то иные), авторами не ставится.

Как представляется, если рассматривать прожектерство именно в контексте политической механики раннемодерных преобразований вообще и петровских в частности, то прожектеры оказываются *частным случаем агентов изменений*, определяющих динамику институционального строительства. При таком подходе изучение прожектеров и прожектерства может задать структурную рамку для рассмотрения механизмов и движущих сил преобразований. Если, выражаясь словами Дугласа Норта, «институты... создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»¹⁷, то при изучении факторов, определяющих конфигурацию и траекторию реформ, причин успехов или неудач тех или иных преобразований, имеет смысл отойти от обсуждения «реформ» вообще как абстрактных конструкций и рассматривать в качестве базовой единицы анализа конкретные институциональные изменения. В самом деле, у каждого из таких «квантов» изменений неизбежно есть свой автор, есть противники, в результате каждого из таких изменений по-

являются свои бенефициары и свои проигравшие – и, соответственно, реализация каждого из этих изменений требует вложения определенных усилий и ресурсов. Очевидно, что для того, чтобы изменение состоялось, его сторонники (потенциальные бенефициары) должны вложить достаточно ресурсов и усилий, чтобы преодолеть сопротивление тех, кто в результате такого изменения проиграет. Во главу угла, таким образом, становится изучение самих агентов изменений, обстоятельств возникновения коалиций, необходимых для осуществления изменений, и способов привлечения ими необходимых и достаточных ресурсов.

Подобная проблематика все активнее рассматривается исследователями в области экономики и прикладной политологии, интересующимися движущими силами изменений и новаций в бюрократических системах. На первый взгляд такие системы по самой своей природе, описанной еще Максом Вебером, должны были бы ориентировать чиновника на действия исключительно в рамках существующих правил и регламентов, на выполнение рутинных функций – как же тогда они могут порождать новации, изменения? В поисках ответа на этот вопрос исследователи прибегают к аналогиям с процессами изменения и обновления в экономике. И если в экономике движущей силой изменений и новаций полагается предприниматель, которого толкает к постоянному поиску новой рыночной конкуренции, то в бюрократических системах выделяется фигура «институциональных/админи-

стративных/бюрократических предпринимателей» – акторов, которые заинтересованы в тех или иных институциональных условиях и которые мобилизуют ресурсы (организационные, политические, финансовые и иные) для создания новых институций или трансформации существующих¹⁸. Формы такого предпринимательства, факторы, объясняющие возникновение таких предпринимателей и успех (или неудачу) их проектов, рассматриваются в последнее время в целом ряде специальных работ¹⁹.

Удачным примером осмысления *modus operandi* таких агентов на конкретно-историческом материале Нового времени может служить модель институциональных новаций в науке, предлагаемая Сергеем Козловым в его работах, посвященных становлению Практической школы высших исследований (ПШВИ) в Париже²⁰. Задаваясь вопросом о том, как вообще возможны были научные новации во Франции Нового и Новейшего времени, в условиях мощнейших институциональных блокировок, осуществляемых монополистом в лице университетской корпорации, автор приходит к выводу о ключевой роли операций по «институциональному шунтированию» – построению боковых каналов, позволяющих обходить эту институциональную блокировку. ПШВИ оказывается одним из примеров такого шунтирования, и именно с ней связаны едва ли не все ключевые прорывы во французских гуманитарных и социальных науках с середины XIX

по середину XX века. Как полагает С.Л. Козлов, построение таких институций – в обход университетов-монополистов – становится возможным именно как результат «интеллектуального предпринимательства». Опираясь на давнюю работу Джозефа Бен-Дэвида «Роль ученого в обществе»²¹, автор описывает такое предпринимательство, как «„вертикальное“ сложение усилий отдельных научных „антрепренеров“ или научных клик (обычно соотносимых с теми или иными политическими тенденциями) с одного конца вертикали и усилий отдельно взятых администраторов и политиков с другого ее конца». Автор предлагает схему распределения ролей в рамках таких клик, в общем виде включающих «администратора», собственно реализующего проект; «*прикрывающего*» («политическая фигура или политическая сила, обеспечивающая проекту политическое прикрытие»), и «*исполнителей*»-экспертов, на мнение которых опирается администратор. Возникновение такого «вертикального сговора» основывается на «слабо институционализированных социальных взаимодействиях», где «формальная коммуникация между институтами» заменяется «неформальной коммуникацией между отдельными реформаторами-индивидами». Как поясняет Козлов, «для формирования подобного рода констелляций решающее значение приобретают факторы, так сказать, микроисторические: стечение обстоятельств, личные связи, личностные особенности». Ключевую роль здесь играют «выскачки» – акторы, которые не

вписаны в существующие корпорации и потому не могут самореализоваться в их рамках и которые одновременно не связаны устоявшимися в корпорациях системами отношений. Способность таких акторов – как полагает С.Л. Козлов, именно в силу случайного сложения обстоятельств – выстроить коалицию с теми или иными лицами, принимающими решения, и является ключом к успеху; как видно из его изложения, это происходит в том числе, если «выскачка» обещает «патрону» возможность осуществить некоторую идею, проект, которые идут вразрез с интересами доминирующих корпораций. И хотя сам Бен-Дэвид полагал такой способ новаций уникальным именно для французской модели организации науки, как справедливо отмечает С.Л.Козлов, он выглядит до боли знакомым и специалистам по российской истории: вероятно, речь тут может идти о более широко применимой модели.

Подобная оптика, как кажется, была бы уместна и при изучении реформ в России раннего Нового времени, где ключевую роль в планировании и реализации институциональных изменений и играли именно такие «административные предприниматели». При этом рассматривая прожекторство и вообще реформаторство Петровской эпохи как административное предпринимательство, можно говорить о двух его измерениях: об общей логике поведения административных предпринимателей, действующей, видимо, в рамках любых современных институтов, и о специфических особенно-

стях именно Петровской эпохи, создававших особенно благоприятные условия для административного предпринимательства.

административное предпринимательство как модель

Административный предприниматель действует в рамках государственного аппарата или с опорой на него и с использованием государственных ресурсов – административных, символических, кадровых, финансовых и так далее – для достижения собственных целей (то есть целей, которые не вытекают напрямую из его должностных обязанностей или указаний его начальников), заключающихся в создании или трансформации административных структур или правил их функционирования. При таком подходе *любое институциональное изменение, любой эпизод преобразований представляет собой перераспределение ресурсов*, в том числе изменение правил их распределения или изъятия, правил доступа в те или иные корпорации, к той или иной информации и тем или иным центрам принятия решений, изменение иерархической соотнесенности индивидуумов и целых организаций и так далее; с этой точки зрения нет никакой разницы между «реформами» и «контрреформами», и точно так же нет разницы между «реформированием» или созданием новых институтов, поскольку введение современного регулирования

той или иной традиционной сферы также предполагает перераспределение ресурсов (в известном смысле экспроприацию их агентами современного государства). Соответственно, у любой реформы неизбежно есть свои проигравшие и выигравшие, а любое институциональное изменение следует рассматривать как конкурентный процесс, в рамках которого участники-«предприниматели» инвестируют доступные ему ресурсы для достижения благоприятного для них результата. В этом смысле не могут признаваться удовлетворительными, конечно, «стерильные» описания петровских реформ, где текстуальный анализ различных версий реформаторских документов не сопровождается и анализом той политической борьбы, которая велась вокруг различных версий каждого закона и регламента, выявлением выигравших или проигравших. Невозможно представить себе, что петровские деятели не осознавали, как то или иное нововведение, та или иная правка предлагаемых регуляций увеличит или сократит имеющиеся у них полномочия, финансовые ресурсы, возможность доступа к государю.

При таком подходе можно говорить о том, что именно прожектерство, административное предпринимательство, и формировало в значительной степени и микродинамику институциональных изменений в России того времени. И действительно, при более внимательном изучении за тем или иным институциональным изменением нередко просматривается заинтересованный «предприниматель», который на-

деется в результате этих изменений получить полномочия, ресурсы, доступ к монарху или возможность заслужить его благосклонность. При таком подходе изучение реформ и преобразований невозможно без изучения административных предпринимателей и их усилий. С одной стороны, нас должен интересовать набор ресурсов, которые были доступны тому или иному конкретному предпринимателю и которые, по всей видимости, определяли его предпринимательскую стратегию и тактику. Речь может идти о наличии связей (особенно важен прямой канал коммуникации с монархом или хотя бы возможность периодически напрямую выходить на монарха), наличии команды соратников, экспертной репутации (придающей легитимность проекту), возможности мобилизовать финансовые или административные ресурсы для поддержки проекта. С другой стороны, нас должна интересовать существующая конкурентная среда, а именно потенциальное влияние данного проекта на интересы (ресурсы, полномочия) других игроков и доступные этим игрокам способы защиты своих интересов, а также наличие других предпринимателей, выступающих на этом же поле с альтернативными проектами. Очевидно, что при таком подходе между прожектерами и «настоящими» государственными деятелями, а также между сановниками и рядовыми чиновниками или экспертами не может быть принципиальной разницы: и те, и другие действуют в качестве административных предпринимателей. Различия между ними могут быть

лишь в тактике предпринимательства – в наборе доступных им ресурсов, методах конкурентной борьбы с другими предпринимателями, их непосредственных целях.

Устойчивость же конкретного изменения в этом случае зависит от способности этого предпринимателя привлечь необходимые ресурсы разного рода для его реализации, в том числе сформировать коалицию заинтересованных игроков, готовых поддержать новый статус-кво и активно использовать внедренную институциональную норму в своих целях и имеющих для ее использования необходимые ресурсы. В отсутствие же таких «пользователей», нуждающихся в данной норме для регулярного отстаивания и продвижения своих интересов, фиксации своих отношений с другими акторами, норма оказывается неработающей, даже если она была утверждена на высочайшем уровне; примеры таких норм мы находим в том числе и в публикуемых ниже материалах.

А что же в этом случае государь? Как кажется, в такой модели по отношению к реформам, новациям и изменениям он может выступать в двух ипостасях. Во-первых, – и это особенно хорошо видно именно в случае Петра – государь в некоторых (но далеко не во всех) случаях и сам выступает «первым прожектором государства», лично инвестируя время, средства, кадры в тот или иной проект, реализует его собственными руками. Во-вторых, он определяет общий вектор предпринимательства-прожектерства и границы возможного. Задача предпринимателя в таком случае – сформулиро-

вать невысказанную и, возможно, еще не осознанную даже государем интенцию, в конкуренции с другими предпринимателями наиболее удачно попасть в тон размышлениям государя. Как указывает Михаил Долбилов, «единоличная воля монарха уже на ранней стадии „конфигурировалась“ ожиданиями и запросами узкого, но активного круга элиты», а обсуждение государственной политики выливалось в борьбу в среде высшей бюрократии за истолкование этой самой высочайшей воли²². Как мы уже подчеркивали, это, конечно, делало возможность прямого доступа или хотя бы личного письменного обращения к государю ключевым ресурсом. Формирование же государственной политики в той или иной области неизбежно становилось площадкой для реализации административных и придворных амбиций и связанного с этим соперничества, в том числе борьбы за административные полномочия, символические и материальные ресурсы²³.

Следует подчеркнуть, что изучение индивидуальных реформ как предпринимательских проектов ни в коем случае не противопоставляется изучению их идеологической, содержательной составляющей: одно совершенно не противоречит другому и не исключает его. Реализация даже самой «прогрессивной» и благонамеренной реформы все равно предполагает перераспределение ресурсов и полномочий, формирование коалиций заинтересованных игроков, а идеологические, концептуальные конструкции структуриру-

ют процесс предпринимательства, дают материал для формирования проектов. Более того, «идеологическая» компонента реформ на практике также является важным ресурсом: она может быть использована для обоснования и легитимации проекта, может открывать доступ к сетям единомышленников и сотрудников (в том числе международным), а также к влиятельным патронам. При таком подходе снимается сама оппозиция между, с одной стороны, риторикой «общего блага» и регулярного государства, и с другой, карьерными амбициями сподвижников Петра и их склонностью действовать в рамках неформальных моделей отношений, где грань между «традиционной» поддержкой клиентов и прямой коррупцией трудноразличима. Наконец, особый интерес представляют те нередкие случаи, когда «идейная» сторона прожектёрства вступает в прямое противоречие с окружающей политической конъюнктурой, с задаваемой монархом общей рамкой государственной политики. В одних случаях подобные противоречия означают, что проект терпит крах или остается на бумаге; но в других мы видим, как административные предприниматели – даже в условиях петровской и послепетровской монархии – изыскивают организационные и финансовые ресурсы для реализации проектов, весьма мало смыкающихся с предпочтениями или интересами монарха.

административное предпринимательство и становление раннемодерного государства

В той или иной степени модель «административного предпринимательства» может быть применима для изучения механизма реформ и шире – строительства государственных институций в любую эпоху, но как представляется, особенно актуальна она при осмыслении именно раннемодерного периода. В самом деле, институциональные реформы проходили здесь в условиях крайней слабости административной инфраструктуры. С одной стороны, для государства раннего Нового времени было характерно бурное расширение сферы его деятельности: если раньше государство и государственный аппарат занимались едва ли не исключительно войной, сбором налогов и отправлением правосудия, то в рассматриваемую нами эпоху в поле его зрения попадают практически все области человеческой деятельности. Образование и здравоохранение, науки и искусства, промышленность и транспортная инфраструктура, сельское хозяйство и религия, призрение бедных и воспитание сирот – все эти сферы на протяжении XVIII века оказываются предметом приложения государственных усилий, объектом регламентации, администрирования и «развития». С другой стороны, государство раннего Нового времени – даже самое передовое – обладало довольно рудиментарным государственным аппара-

ратом. В этих условиях приращение государства не могло не происходить как результат индивидуальной инициативы, то есть усилий предприимчивых индивидуумов или корпораций, которые обосновывали необходимость такого приращения, а затем брались обеспечить выполнение вновь появляющейся государственной функции и создать для этого необходимую организационную структуру. Далеко не всегда инициативы эти формулировались в ответ на прямой запрос со стороны «государства»: зачастую новые функции нужно было сначала изобрести. И если сегодня существуют целые «министерства реформ», специализированные бюрократические подразделения по выработке планов преобразований (в рамках которых обычно и трудятся административные предприниматели), то у Петра и его современников в Западной Европе таких подразделений не было. Удачный пример здесь – как раз образовательная сфера: понятно, что никакого «министерства просвещения», которое могло бы выработать план создания новых школ и реализовать его, могло бы генерировать идеи и предложения «по должности», не существовало: соответствующую функцию государства – как и многие другие – предстояло в буквальном смысле придумать и обосновать, создать с нуля.

Неудивительно, что на первый план здесь выходят именно административные предприниматели в наиболее чистом виде – прожектеры, являющиеся характерной приметой той эпохи. В последнее время в целом ряде работ исследовате-

ли обращают наше внимание именно на различные социальные структуры, которые сыграли ключевую роль при переходе к раннемодерному государству, подменяя собой несуществующие или неокрепшие пока бюрократические институты, и поглощались этими институтами по мере того, как централизованное государство оформлялось и набирало силу. Гай Роулэндс и Сара Чапмен указывают на роль династических интересов и аристократических кланов в формировании раннемодерного государства и управлении им во Франции эпохи Людовика XIV на той стадии, когда только возникающие централизованные административные структуры еще не были способны справиться с мобилизацией финансовых и политических ресурсов, с поддержанием политического баланса, необходимых для ведения войн нового типа и нового масштаба. Пол Бушкович использует близкий подход для анализа петровского царствования, указывая, что первый император правил, фактически опираясь на соперничающие аристократические кланы, а Павел Седов использует близкий по смыслу подход при анализе позднемосковского периода. Джулия Адамс указывает на роль верхушки нидерландского купечества, взаимопереплетенных семей торгового патрициата, в поддержании институциональной и политической стабильности нидерландской колониальной империи и в управлении ею. Дэвид Пэрротт наконец демонстрирует, что «военное предпринимательство» было не случайным явлением, не тупиковой, малозначительной ветвью в форми-

ровании современной армии и военной организации, но сыграло в нем ключевую роль, вновь фактически подменяя собой инфраструктурные элементы раннемодерного государства на этапе его становления²⁴.

В Петровскую эпоху, когда строительство новых институтов и разрушение старых, разлом устоявших корпораций идет крайне бурно, данные соображения приобретают, разумеется, особое значение. Мы видим повышение доступности государя, ослабление некоторых социальных и культурных ограничений на участие в государственной деятельности как раз для тех самых «выскочек», о которых пишет С.Л.Козлов, и одновременно обвальную деинституционализацию 1700-х годов, когда, разрушив или маргинализовав существовавшие структуры, государь зачастую может реализовать свои замыслы, только опираясь на этих самых «выскочек» и на клиентские сети своих сподвижников. Прорывной с точки зрения осмысления петровского институционального строительства, в том числе и как результата административного предпринимательства «снизу», является недавняя фундаментальная статья Анны Жуковской²⁵. Опираясь на уже закрепившееся в литературе мнение, согласно которому формирование приказов, а за ними и многих петровских учреждений, имеет смысл рассматривать как процесс институционализации индивидуального поручения монарха тому или иному сановнику²⁶, Жуковская детально реконструирует

становление «приказа крепостных дел» и роль в этом процессе известного «прибыльщика», административного предпринимателя-прожектера Алексея Александровича Курбатова (1663–1721)²⁷. Траектория образования приказа, его трансформации «из поручения в учреждение» прочитывается сквозь призму индивидуальных карьерных устремлений и усилий Курбатова, действовавшего с опорой на реконструируемую исследовательницей сеть собственных клиентов и в интересах этой сети. В результате, хотя сам автор не употребляет этого термина, история данного приказа под руководством «прибыльщика» оказывается весьма показательным примером как раз «административного предпринимательства». К аналогичным результатам мы приходим и оценивая роль Курбатова в становлении такого хрестоматийного петровского учреждения, как Навигацкая школа. История этого легендарного проекта при ближайшем рассмотрении оказывается историей именно предпринимательских усилий «прибыльщика» и группировавшегося вокруг него кружка позднемосковских книжников, реализовывавших культурную программу, которая совпадала с петровской лишь на очень узком временном отрезке и в силу скорее тактических соображений. Одновременно видно, как школа и ее деятельность давали повод для продвижения материальных и карьерных интересов участников процесса. Непосредственный же вклад самого Петра в становление школы по источникам прямо не просматривается, за исключением самого первого

эпизода найма учителей-британцев, давшего толчок последующему прожектерству²⁸.

Наши соображения о роли прожектеров и прожектерства вписываются в эту традицию: сквозные темы нашего сборника – это стратегии и тактики административного предпринимательства, методы привлечения административными предпринимателями необходимых ресурсов, соотношение прагматических и идейных мотивов в административном предпринимательстве петровской и послепетровской поры на примере сферы образования. Среди героев сборника наиболее очевидным классическим образчиком прожектера является, конечно, барон де Сент-Илер, оказывающийся на поверку авантюристом и самозванцем. На его примере хорошо видно, как важно для успешного предпринимателя умение выявлять перспективные направления проектирования, определять интересующие потенциального патрона темы. Уже в самом начале 1715 года, буквально через пару месяцев после прибытия в СанктПетербург, барон представляет Петру сразу несколько совершенно разнонаправленных проектов. Примечательно, что при этом каждый из них в основе своей опирается на вполне реальные, актуальные на тот момент интересы и потребности Петра: проект Морской академии основан на том же самом французском адмиралтейском ордонансе, который Петр за несколько месяцев до того поручил переводить Конону Никитичу Зотову, а проект по-

стройки кораблей на Адриатике тесно смыкается с действительно предпринимавшимися Петром в это время усилиями по постройке и покупке кораблей в Западной Европе и привлечению в Россию иностранных ремесленников. Мы не знаем в точности, как именно мнимому барону удалось получать необходимую информацию о текущих планах царя, однако очевидно, что он, во-первых, старался подстраховаться, предлагая столь разные проекты, а во-вторых, разрабатывал свои предложения, сообразуясь с местной обстановкой. Так или иначе, целью создания всех этих проектных текстов является получение ресурсов – как материальных, так и статусных, – а если возможно, то и должности. При этом мы видим, что со временем фокус проектирования меняется: если вначале Сент-Илер в первую очередь стремится привлечь внимание монарха, то в дальнейшем он работает над созданием административной ниши для себя, обозначением и закреплением связанных с ней полномочий и статуса, а затем защиты этой ниши от враждебных действий со стороны графа Андрея Артамоновича Матвеева. Предлагавшиеся им новации в области педагогики, организации школы, дисциплинарных практик несомненно были достаточно передовыми для того времени и соответствовали магистральному направлению развития школы в XVIII столетии. Однако содержательная их направленность такова, что, говоря прагматически, все они «работают» на Сент-Илера, обосновывая его претензии на полномочия и ресурсы.

Хорошо просматриваются и те ресурсы, на которые опирается в своей деятельности Сент-Илер. С одной стороны, это ссылки на его собственную – предполагаемую – экспертизу и личные связи. Характерно, что в проекте адриатической экспедиции речь идет именно о тех частях Европы, в которых мнимому барону действительно довелось побывать, где у него, судя по всему, оставались контакты: о Северной Адриатике, Италии, южном побережье Франции, об испанских и португальских портах. С другой стороны, по прибытии в Санкт-Петербург он молниеносно находит доступ ко двору через фрейлину крон-принцессы Шарлотты, поддержка со стороны которой становится ключевым фактором успеха бароновых начинаний. Создание Морской академии и назначение барона ее директором прямо увязано с женитьбой последнего на фрейлине крон-принцессы, причем свадьбу праздновали при дворе принцессы в присутствии всей царской фамилии; соответствующее решение Петра едва ли не следует считать свадебным подарком барону. И наоборот, смерть крон-принцессы в конце 1715 года ознаменовала собой и начало заката его карьеры.

Наконец, на примере Сент-Илера хорошо видно, что для современников различия между «прожектером» в привычном нам негативном смысле и «настоящим государственным деятелем» не существовало. Увольнение Сент-Илера было связано не с «разоблачением» его как самозванца, не с претензиями к его работе и не с несостоятельностью его пред-

ложений по устройству Академии, а с его аппаратным проигрышем в соперничестве с графом Матвеевым. Выговорив себе директорскую должность и генеральский чин, барон попытался вести себя как сановник и неизбежно проиграл в конкуренции с настоящим сановником Матвеевым: не пойдя он на конфликт при заведомо неравном соотношении сил, согласись на роль «эксперта» при «сановнике» Матвееве, Сент-Илер вполне мог остаться в истории российского образования как успешный технический специалист, подобный многим другим иностранцам на русской службе.

Как на практике функционировало административное предпринимательство, хорошо видно и на примере Харьковского коллегиума. Как показывает в своей статье Людмила Посохова, такое уникальное образовательное учреждение, как Харьковский коллегиум, могло возникнуть исключительно благодаря активным действиям его основателя, епископа Епифания Тихорского. Епифаний конечно же действовал в рамках мандата, предоставленного ему Духовным регламентом 1721 года, задавшим общую идеологию и конструкцию системы духовных школ в империи. Однако практически все детали устройства тех школ, которые, согласно Регламенту, должны были создавать у себя в епархиях архиереи, оставлялись на усмотрение самих епископов. Синод же, несмотря на регулярные призывы к архиереям создавать такие училища, никак не помогал им, но и не наказывал тех, кто эти школы так и не создал. Более того, указом 1722

года требования к организуемым епископами школам были снижены, а в 1723 году Синод позволил сокращать численность учеников в школе, после чего многие из них (в Ростове, Ярославле, Суздале) просто закрылись.

Никакого прямого активного участия центральной власти – ни светской, ни духовной – в создании Харьковского коллегиума также не просматривается. Очевидно, что само возникновение Харьковского коллегиума как одного из крупнейших учебных заведений своего времени, уже через несколько лет после создания насчитывавшего более 400 учеников (привлекавшихся, впрочем, принудительно), следует связывать именно с усилиями Епифания. Почему среди всех российских епископов усилия эти приложил именно Епифаний тоже понятно, учитывая его личный опыт в качестве одного из администраторов Киево-Могилянской академии. Успех же этих усилий объясняется в том числе и с его способностью мобилизовать для развития своего предприятия существенные административные ресурсы. Посохова указывает на поддержку, и административную, и материальную, которую оказывал училищу князь Михаил Михайлович Голицын, командовавший войсками на Слобожанщине. Традиционно считается, что именно он инициировал перевод училища из Белгорода в Харьков, где находилась его штаб-квартира: хотя документальных подтверждений нет, считается, что Голицын (а впоследствии и другие представители этой семьи) делал коллегиуму щедрые пожертвования, а

также защищал его от произвола со стороны администрации и воинского начальства, фактически выдав училищу охранную грамоту. Недостаточно исследованным остается еще и вопрос о возможной поддержке коллегиума со стороны Феофана Прокоповича, бывшего патроном Епифания еще с киевских времен, в частности, о его возможной роли в получении коллегиумом 16 марта 1731 года жалованной грамоты от Анны Иоанновны – грамоты, текстологически близкой к аналогичному документу Киево-Могилянской академии.

Дело, однако, не только в том, что коллегиум возник исключительно благодаря предприимчивости Епифания, но и в том, что сам его итоговый облик был определен не государственным замыслом, но представлениями и предшествующим опытом епископа, выливавшимися, как пишет Посохова, в достаточно четкий план действий. Духовный регламент задавал лишь максимально общие рамки для его действий – настолько общие, что в них без видимого напряжения равно вмещались и Харьковский коллегиум, и примитивные школы, которыми ограничилось дело в большинстве других епархий. Фактически мы видим, что российский епископ в начале XVIII века имел достаточно полномочий для реализации в границах этих рамок собственного, довольно радикального образовательного проекта. По словам Посоховой, «несмотря на указания Духовного регламента об основании архиерейских школ, в данном случае возникло учебное заведение иного образца – православный коллегиум. Эта

модель была связана не столько с реализацией государственных инициатив петровского времени, сколько опиралась на достаточно глубокую местную образовательную традицию». Можно сказать, что, по сути, Епифаний использовал государственные инициативы лишь как предлог, причем весьма формальный, для реализации собственной культурной программы. Следует, конечно, учитывать и укорененность этой программы в местном культурно-историческом и социальном контексте: именно этой укорененностью объясняется устойчивость предложенной Епифанием модели, которая пережила своего создателя (скончавшегося в 1731 году) и сохраняла свою самобытность вплоть до централизаторских реформ конца XVIII – начала XIX века.

Уникальный в своем роде пример, разбираемый Яной Лариной, представлял собой Генрих Фик²⁹. Как известно, составление проектов входило в его должностные обязанности: Фик по поручению царя добывал тексты зарубежных (в первую очередь шведских) нормативных актов и на их основе вырабатывал предложения по организации системы государственного управления в России. С одной стороны, в силу институционализации и рутинизации его прожекторских функций Петром термин «прожектор» оказывается парадоксальным образом неприменимым к Фику. С другой стороны, анализируя «Реляцию, каким образом молодые графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают» и другие доку-

менты Фика, посвященные образованию, Я.И. Ларина показывает наличие у прожектера вполне определенной последовательной точки зрения на организацию службы и обучение дворянства, не совпадавшей в своей базовой идеологии с представлениями Петра и последовательно проталкивавшейся Фиком в его записках. Однако если у Епифания Тихорского, А.А. Курбатова или у еще одного известного образовательного предпринимателя Магнуса Вильгельма фон Нирота³⁰ были в распоряжении ресурсы как частные, так и государственные, для реализации образовательных проектов, то у Фика их не было и быть не могло. Немаловажно и то, что предлагавшиеся им подходы носили системный характер и не могли быть реализованы в рамках отдельно взятого института.

Особую главу в истории образовательного прожектерства послепетровской эпохи представляет собой деятельность Андрея Ивановича Остермана, фигурирующего в нашем сборнике сразу в нескольких работах. Надо сказать, что роль этого ведущего государственного деятеля Петровской и особенно послепетровской эпохи в выработке содержательных предложений по внутривластным вопросам вообще изучена мало: прежде всего в литературе за Остерманом закрепилась репутация опытейшего придворного и аппаратчика, признается его роль в формировании внешней политики. Между тем не секрет, что его перу или перу его сотрудников принадлежат и многочисленные, но пока недостаточно

изученные предложения по самому широкому кругу вопросов и проблем внутреннего благоустройства государства³¹. Образование было одной из тем, которой Остерман последовательно и активно интересовался. Известно, что именно он на исходе царствования императрицы Екатерины I был назначен руководить образованием Петра II, и в публикуемой ниже работе Галина Смагина и Майя Лавринович показывают, что назначение это не было простой формальностью. Мы видим, что Остерман глубоко погружался в работу по подготовке учебного плана и учебных пособий для юного императора и что конфигурация и содержание этих материалов, ход их создания определились в первую очередь именно пересечением и взаимным наложением интересов и конъюнктур министра и привлекавшихся к этой работе академиков.

Особенно важен для понимания как этих интересов, так и антропологических основ политики, проводившейся Остерманом и аннинским правительством в целом, публикуемый в нашем сборнике проект реформы Морской академии, разработанный или самим министром, или по его поручению. Как представляется, именно в этом документе наиболее емко отразился комплекс представлений о педагогике, организации службы и природе человека, характерный для немецкого круга правящей элиты аннинского царствования³². Бросается в глаза, что представления эти смыкаются в том числе и с представлениями Фика, и наоборот, как кажется, плохо стыкуются с петровской антропологической парадигмой.

С этой точки зрения требует более пристального внимания деятельность Остермана при Петре: возможно, следы формируемых им в 1730-е годы представлений обнаружатся и в более ранних документах, к выработке которых он имел отношение. В этом случае мы могли бы увидеть за монолитным фасадом петровского реформаторства многоголосие идей и представлений, позволяющее отойти от восприятия сподвижников Петра как безгласных исполнителей его воли. Характерно, что в педагогическом отношении проект реформы Морской академии отражает прежде всего именно теоретические воззрения Остермана и мало соотносится с практическими потребностями флота и видением современных ему моряков: достаточно сравнить его, например, с более поздним проектом Римского-Корсакова.

Наконец, анализируя эволюцию подходов к вопросу об образовании дворянства в елизаветинской Уложенной комиссии 1754–1761 годов, Михаил Киселев показывает определяющую роль, которую сыграл в этом процессе Иван Иванович Шувалов, опиравшийся в своей деятельности на клан Шуваловых и в целом на ту группировку сановников, которая пришла к власти результате «бюрократического переворота» 1760 года. Первоначальный состав Комиссии, утвержденный в 1754 году, ограничился сугубо кодификаторской ролью, сведя воедино существующие на тот момент нормы, регулировавшие обучение и поступление на службу молодых дворян, и не предлагая никаких новаций. Не получила Ко-

миссия никаких указаний и «сверху»: ни со стороны правительства в лице высших государственных органов, ни со стороны императрицы. Ситуация изменилась после назначения фактическим главой Комиссии Романа Илларионовича Воронцова, получившего, как он сам хвалился, полномочия перестроить ее состав. Назначение Воронцова сенатором и членом Комиссии было прямым следствием «бюрократического переворота», одним из организаторов которого был как раз И.И.Шувалов: если Воронцов включился в работу Комиссии 29 сентября 1760 года, то уже 3 ноября того же года Шувалов подал в Сенат доношение, в котором довольно резко критиковал образовательный уровень и моральные качества современного ему дворянства. Неудивительно, что, начав работу в новом составе, Комиссия решила пересмотреть ранее подготовленный проект соответствующей главы и подготовить новый, уже на основании меморандума Шувалова, что и было сделано уже к концу 1761 года.

М.А.Киселев отмечает, что в целом И.И.Шувалову не было свойственно стремление к богатству или занятию должностей в официальной иерархии, а «своеобразная посредническая функция фаворита делала его положение устойчивым и без „проектерской“ деятельности, в отличие от П.И. Шувалова». Вместе с тем к этому времени Шувалов уже выступил в качестве патрона при создании Московского университета и Академии художеств, обеспечив их создание и возглавив их. Можно сказать, что здесь речь об особой стратегии:

вместо того чтобы вступать в конфликт с ведущими сановниками за место в существующей иерархии государственной службы и отвоевывать у кого-то из них контроль над одной из имеющихся отраслей управления, Шувалов использует свой фавор для конструирования, фактически создания с нуля особой сферы деятельности для себя – культурно-образовательной. Эта стратегия позволяла ему избежать аппаратных конфликтов с другими сановниками и занять особое место в иерархии власти: контролировавшиеся им учреждения не были вписаны в устоявшуюся систему управления, но стояли как будто особняком, имели исключительный характер, что позволяло Шувалову как их руководителю оставаться вне непосредственного политического контроля со стороны высших органов государственной власти и, опираясь на свое положение фаворита, контактировать напрямую с императрицей. Таким образом, подача

Шуваловым меморандума о дворянском образовании в 1760 году и предполагавшееся закрепление заложенных в нем принципов в готовившемся Уложении, с одной стороны, была, как отмечает Киселев, попыткой использовать особое положение, занимаемое фаворитом в 1760–1761 годах, для реализации его идеалов в области образования, а с другой – означала установление Шуваловым законодательных рамок для выбранной им для себя сферы государственного проектирования.

Публикуемые в данном сборнике источники и научные

работы не могут, конечно, претендовать на исчерпывающее раскрытие роли прожектерства в становлении институтов вообще и новых образовательных учреждений в частности в России первой половины XVIII века. Нашей задачей было лишь привлечь внимание к роли прожектеров, «административных предпринимателей», в создании раннемодерного государства. Реформы Петра и его преемников традиционно описываются как результат усилий самого монарха или воплощаемого им абстрактного государства. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что ландшафт этих реформ во многом определялся именно усилиями конкретных агентов изменений, индивидуальных игроков и создаваемых ими коалиций, а пресловутые «прожектеры» представляли собой лишь частный случай таких агентов изменений. По-другому и быть не могло: несмотря на миф о всемогущем и вездесущем Петре, собственноручно создающем, подобно Пигмалиону, новую Галатею – Россию, любой раннемодерный монарх, а не только Петр, обладал весьма и весьма рудиментарным государственным аппаратом. В этих условиях централизованное государство в определенном смысле росло и строилось именно посредством прожектерства: прожекты служили теми кирпичами, а то и целыми секциями, из которых составлялось его здание.

Примечания

Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность А.Б. Каменскому, Д.О. Серову, И.А. Христофорову, А.В. Жуковской, Т.В. Костиной, М.А. Киселеву, Л.Ю. Посоховой за ценные замечания и комментарии к ранним вариантам этой статьи. При написании настоящей статьи использованы ранее опубликованные автором материалы: *Федюкин И.И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // *Российская история*. 2014. № 4. С. 80–101.

¹ *Богословский М.М.* Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства // *Российский XVIII век: Избранные труды*. М., 2008. С. 32–33.

² См.: *Novak M.E.* Introduction // *The Age of Projects* / Ed. by M.E. Novak. Toronto, 2008. P. 3–28.

³ *Defoe D.* An Essay upon Projects. London, 1697.

⁴ *Myers J.* Defoe and the Project of “Neighbours Fare” // *Restoration*. 2011. Vol. 35. № 2. Fall. P. 1–19. Впрочем, негативное отношение к «прожектерам-изобретателям» к тому времени было вполне устоявшимся: в английской драматургии образ прожектера как недобросовестного хищника устойчиво фиксируется на протяжении всего XVII ве-

ка. См., напр.: *Ratcliff J. Art to Cheat the Common-Weale: Inventors, Projectors, and Patentees in English Satire, ca.1630–70 // Technology and Culture. 2012. Vol. 53. № 2. P. 337–365.* С другой стороны, прожектеров подозревали в неуместном энтузиазме – неуместном потому, что на определенном этапе европейской истории «энтузиазм» в религии, политике, других сферах начал восприниматься как проявление неумеренности и опасной увлеченности, разрушительной для социума и политического общежития, сродни «фанатизму», которого еще в конце XVIII века так боялась Екатерина II. См.: *Гриффиц Д.М. Злодеи, фанатики, адвокаты: взгляды Екатерины II на Французскую революцию // Он же. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет / Пер. с англ. Е. Леменовой, А. Митрофанова; ред. – сост. М. Лавринович, И. Федюкин. М., 2013. С. 119–148, здесь с. 129; Jones W.G. “C’est un fanatique”: Catherine II’s Judgment on Novikov // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1979. Vol. 7. P. 32–33.*

⁵ *Novak M.E. Op. cit.; Кром М.М., Пименова Л.А. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сб. ст. / Под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб., 2013. С. 7–16.*

⁶ Другое дело, что венценосные прожектеры вроде Петра, который «развлекался, копая каналы и строя города; уби-

вая своих подданных невыносимыми трудами и переселяя народы с одного конца своей империи на другой, не жалея о тысячах, погибающих по дороге», хотя и почитаются теперь «полубогами», вызывают у Самюэля Джонсона отвращение. Им он противопоставляет «другой вид проекторов»: тех, кто «ищет новые возможности природы или задумывает новые произведения искусства», кто «изобретает искусства, которых еще не хватает для благополучного устройства жизни» (*Johnson S. Projectors injudiciously censured and applauded // The Adventurer. 1753. № 99. October 16*).

⁷ Биржакова К.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века Л., 1972. С. 389.

⁸ Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897; переизд.: М., 2000.

⁹ Там же. С. 16–17.

¹⁰ Клочков М.В. Прибыльщики и доносители петровского времени // Записки Императорского Харьковского университета. 1915. Кн. 3. С. 1–16.

¹¹ Андрияйнен С.В. Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб., 2011; Петр Иванович Шувалов. Иван Иванович Шувалов. Избранные труды. М., 2010. См. также: Оточкин В.В. Граф П.И. Шувалов: ре-

форматор или прожектор? // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 78–81.

¹² *Прокопенко Я.И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы. С. 323–337. Обсуждение сборника см.: Российская история. 2014. № 4. С. 3–36.

¹³ *Андрейнин С.В.* Указ. соч. С. 5–6.

¹⁴ Там же. С. 13–23, 171–203.

¹⁵ О реформах в России XVIII века см. в первую очередь: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 1999. Среди работ последних лет, посвященных феномену реформаторства в России той эпохи, см.: *Коришнуова Н.В.* Проекты реформ в России: (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.). Челябинск, 2009.

¹⁶ См.: Феномен реформ на западе и востоке Европы.

¹⁷ *North D.* Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge, 1990.

¹⁸ *DiMaggio P.* Interest and agency in institutional theory // Institutional patterns and organizations: Culture and Environment / Ed. by L. Zucker. Cambridge, MA, 1988. P. 3–22.

¹⁹ *Roberts N.C., King P.J.* Policy Entrepreneurs: Their Activity

Structure and Function in the Policy Process // Journal of Public Administration Research and Theory. 1991. Vol. 1. № 2. P. 147–175; *Mintrom M.* Policy Entrepreneurs and School Choice. Washington, DC, 2000; *Teodoro M.P.* Bureaucratic Ambition: Careers, Motives, and the Innovative Administrator. Baltimore, 2011; *Battilana J., Casciaro T.* Change Agents, Networks, and Institutions: A Contingency Theory of Organizational Change // Academy of Management Journal. 2012. Vol. 55. № 2. P. 381–398; *Battilana J., Leca B., Boxenbaum E.* How Actors Change Institutions: Towards a Theory of Institutional Entrepreneurship // Academy of Management Annals. 2009. P. 65–107.

²⁰

Козлов С.Л. Из истории интеллектуального предпринимательства во Франции: как была создана Практическая школа высших исследований // Пермьяковский сборник: Сб. науч. трудов / Под ред. Н.Н. Мазур. М., 2010. Ч. 2. С. 400–442; *Он же.* Сообщество выскочек: «Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 583–606.

²¹

Ben-David J. The Scientist's Role in Society: A Comparative Study. Chicago; London, 1984. P. 105.

²²

Долбилов М.Д. Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. М., 2006. Вып. 9. С. 5–48.

Некоторые наблюдения на этот счет нами уже формулировались в работе: *Fedyukin I., Zitser E.* For Love and Fatherland. Political clientage and the origins of Russia's first female order of chivalry // *Cahiers du monde russe*. 2011. Vol. 52. № 1. P. 5–44.

Rowlands G. The Dynastic State and the Army under Louis XIV: Royal Service and Private Interest, 1661–1791. Cambridge, 2002; *Chapman S.E.* Private Ambition and Political Alliances the Phélypeaux de Pontchartrain Family and Louis XVI's Government, 1650–1715. Rochester, N.Y., 2004; *Bushkovitch P.* Peter the Great. Oxford, 2001; *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; *Adams J.* Familial State: Ruling Families and Merchant Capitalism in Early Modern Europe. Ithaca, 2005; *Parrot D.* The Business of War. Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe. Cambridge, 2012.

Жуковская А.В. От поручения к учреждению: А.А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // *Очерки феодальной России*. М., 2009. Вып. 13. С. 314–376.

Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 46–47; *Седов П.В.* Указ. соч. С. 30–33.

Наиболее подробный биографический очерк Курбатова см.: *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2008. С. 172–

214, здесь с. 172–178. О его прожекторской деятельности, включая его предложения о развитии академий и школ, см.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Указ. соч. С. 80–90.

²⁸ См.: *Федюкин И.И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах...

²⁹ См. также другие работы автора: *Прокопенко Я.И.* Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)* / Ред. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 149–177; *Она же.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I.

³⁰ Деятельность барона Нирота изучена пока недостаточно; см., однако: *Азизбаева Р.Е.* Барон Магнус Вильгельм фон Нирот и замысел сиротского дома // *Труды Государственного Эрмитажа. Т. 58: Петровское время в лицах: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011): Материалы научной конференции.* СПб., 2011. С. 5–11.

³¹ См., напр.: *Joukovskaïa-Lecerf A.* Le conseil du tsar dans la culture politique de l'époque pétroviennne: La genèse du Conseil suprême secret, fin XVIIe siècle–1726 // *Cahiers du monde russe.* 2003. Vol. 44. № 4. P. 577–604.

³² Подробнее об этом см. в моей статье: *Федюкин И.И.*

«Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского: Сб. ст. / Сост. Е.В. Акельев, В.Е. Борисов; отв. ред. Е.Б. Смилянская. М., 2014. С. 83–142.

Основание Морской академии: документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723

Игорь Федюкин

Основанная в 1715 году в Санкт-Петербурге Морская академия имеет все основания претендовать на звание первого «регулярного» учебного заведения России. Существовавшие ранее Навигацкая школа Фаркварсона и мало изученные небольшие артиллерийские и инженерные школы¹ были довольно традиционными с точки зрения своей организации: по сути, они представляли собой просто группы учеников, собиравшихся вокруг учителя. В силу высокой степени аморфности, неформальности своего внутреннего устройства они гораздо ближе стоят к традиционной средневековой школе, даже если программа обучения в них и кажется нам «современной» из-за преобладания ней математики. Морская же академия, как она предстает в проектах ее первого директора, известного нам под именем барона де Сент-Илера, должна была стать радикально современным для своего времени учебным заведением. Устройство школы и действия ее руководителей должны были регулироваться пра-

вилами и инструкциями, подробно регламентировать предполагалось и повседневное поведение учеников; фиксировалась — пусть и в самом общем виде — программа обучения; функции директора регламентировались и отделялись от функций учителя; и так далее. В этом отношении проекты Сент-Илера следует считать прямыми предшественниками современных регламентов и проектов, появлявшихся в 1730-х годах, таких как регламенты кадетского корпуса² и публикуемые в настоящем сборнике проекты нового регламента Морской академии и регламента Академической гимназии. Поэтому не только сами проекты Сент-Илера, но и обстоятельства их создания, и личность барона достаточно показательны с точки зрения того, как на практике происходила модернизация России и какова была в действительности роль в этом процессе «государства» и самого Петра.

Введенные в последнее время в научный оборот источники, в том числе из французских архивов, ясно показывают, что Сент-Илер был самозванцем и, называя вещи своими именами, международным авантюристом.

По данным французского военно-морского ведомства, достаточно внимательно следившего за похождениями барона, он родился в Тулоне, в мещанской семье и носил фамилию Аллер (Allaire), был негоциантом в Байонне, пока не попался на мошенничестве со страховкой. Аллер был арестован и приговорен к галерам, но ему удалось сбежать и перебраться в Испанию, где в это время шли военные действия между

франко-испанской и англопортугальской армиями в рамках Войны за испанское наследство³. В Испании Аллер к концу 1710 года каким-то образом вошел в доверие к французскому военачальнику маркизу де Бею (Alexandre Maotre, marquis de Bay, 1650–1715). Как раз в ноябре 1710 года англичане и португальцы начали отступление из ненадолго оккупированного ими Мадрида, а 8–9 декабря потерпели серьезное поражение у местечка Бриуэга, что фактически поставило крест на их надеждах вернуть испанский престол Габсбургам. Одновременно летом 1710 года в Англии пал кабинет Годолфина, и пришедшие к власти тори через неофициального посредника, аббата Франсуа Голтье, начали прощупывать почву для сепаратных переговоров о мире с Францией. К декабрю в Париже знали, что тори не будут настаивать на восстановлении Габсбургов в Испании. В январе 1711 года Голтье привез в Лондон устные предложения от маркиза де Торси, в марте он вернулся в Версаль с английскими контрпредложениями, в апреле 1711 года Версаль направил в Лондон уже письменные предложения об условиях мира, которые были представлены английскому кабинету, а затем и союзникам-голландцам⁴.

В этом-то контексте и разворачивались испанские похождения Сент-Илера (как мы продолжим его именовать во избежание путаницы). Став в октябре 1710 года по одним данным – агентом, по другим – курьером маркиза де Бея в сепаратных переговорах о мире с Португалией, Сент-Илер до

марта 1711 года курсировал с тайными посланиями между штаб-квартирой де Бея и Лиссабоном, а затем переметнулся вместе с доверенными ему депешами на сторону англичан. Французское военно-морское ведомство считало его предателем⁵, хотя сам барон позднее пытался убедить французские власти, будто известить англичан о готовности Португалии на сепаратный мир с Бурбонами ему поручил сам де Бей: этот шаг был якобы частью дипломатической игры⁶. В объяснительной же на имя Петра Сент-Илер, наоборот, утверждал, что с самого начала был тайным агентом на службе у англичан⁷. Так или иначе, но в итоге он оказался в Лондоне, получил от английского правительства 500 фунтов в награду, но затем из-за его «подозрительного» поведения был под благовидным предлогом выслан на континент. Именно после этого он и превратился из мещанина Аллера в барона де Сент-Илера: в награду за срыв переговоров между Португалией и Бурбонами император якобы возвел его в достоинство барона Священной Римской империи и назначил на должность морского интенданта в Неаполе. После этого барон принял участие то ли в реальном, то ли в вымышленном заговоре с целью сжечь королевский флот и арсенал в Тулоне и как минимум дважды побывал в тюрьме. В итоге к 1714 году у венского правительства накопилось достаточно подозрений в его адрес, чтобы вынудить его покинуть империю⁸.

В августе 1714 года Сент-Илер прибывает в Берлин, где

впервые сталкивается с Анри Лави (Henry Lavie). В прусской столице оба находятся проездом: Лави должен занять пост французского морского комиссара в Санкт-Петербурге, а Сент-Илер направляется в Москву, поскольку господин Матвеев, посланник русского царя, (то есть граф Андрей Артамонович Матвеев) пообещал ему изрядную должность («employ considerable») на русской службе⁹. О том же писал позднее и сам Сент-Илер, признавая, Впрочем, что документального подтверждения такого приглашения у него нет: зимой 1715 года он уверял Петра, что приехал в Россию «по простому обещанию, которое господин Матвеев, посол ваш, мне учинил»¹⁰. Как и где пересеклись пути Матвеева и Сент-Илера, мы не знаем, но сообщение это весьма правдоподобно: в этот период Петр настойчиво требует от своих представителей за рубежом рекрутировать на российскую службу иностранных специалистов¹¹. Сам Матвеев, Впрочем, в их позднейшей переписке нигде об этом своем приглашении не вспоминал, а наоборот, намекал, что ему известно о темном прошлом барона – причем узнал он о нем именно во время пребывания за границей: «Я во Франции и в Вене был и гораздо знаю ваши славные такие дела, которые можно разве в сумерках, а не пред солнцем объявлять», пишет он барону в разгар конфликта между ними осенью 1716 года¹². В марте 1717 года Лави также доносил, будто бы барон «три года тому назад (то есть как раз в 1714 году. – И.Ф.)... сознался в

том, что будучи обвинен в злоупотреблениях и в преступных сношениях, пробыл шесть месяцев в тюрьме...»¹³.

В любом случае барон появился в Санкт-Петербурге, судя по всему, в начале января 1715 года (то есть как раз одновременно с Лави): «Уже два месяца есть, как здесь обретаюсь с великим повседневым иждивением», жалуется он в письме Петру от 2 марта¹⁴. Оказавшись в Санкт-Петербурге, барон буквально за пару месяцев становится своим человеком в придворном обществе. В донесениях Лави Сент-Илер впервые фиксируется в Петербурге в письме от 19 марта, а уже неделю спустя Лави сообщает о помолвке барона с придворной дамой принцессы Шарлотты, супруги цесаревича¹⁵. Избранница Сент-Илера была не только любимой фрейлиной крон-принцессы, но и племянницей барона Ганса-Христофора фон Шлейница, обер-гофмейстера Шарлотты, вскоре ставшего русским посланником в Ганновере, а затем, в 1717–1720 годах, во Франции. Лави, воспринимавший барона как прямого конкурента, уверял Париж, что последний якобы не пользуется доверием русских вельмож и не получит никакой должности в силу своего плохого характера¹⁶. Однако уже в середине мая он же пишет о *nouptiales*¹ барона, прошедших во дворце Шарлотты в присутствии Петра, Екатерины, царевен, вдовствующих цариц, герцогини Курляндской и «всего двора». Царь, по сообщению Лави, одобрял

---

¹ Свадебных торжествах (*фр.*).

этот брак и обещал предоставить барону на 5 лет особняк («la belle maison») сосланного Кикина, 12 солдат для несения караула и жалованье в 2000 рублей. Решен был к этому моменту и вопрос о создании корпуса морской гвардии численностью в 200 человек под командой барона¹⁷.

Именно к этому периоду и относятся публикуемые ниже документы, хранящиеся в РГАДА под заголовком «Дело об учреждении в С. Петербурге Морской академии под надзиранием барона Сент-Гиля-ра. Тут же и прошение его об увольнении из России. 1715 февр. 12 – 1717»¹⁸. В этом же деле находится еще несколько писем Сент-Илера Петру, а также черновые переводы некоторых из этих документов на русский язык. Первый из известных нам проектов создания Морской академии барон, видимо, составил в середине февраля 1715 года. Именно этим «Проектом для сочинения Морской академии»¹⁹ и открывается данная подборка (документ 1.1): хотя этот документ был опубликован Феодосием Федоровичем Веселаго в качестве приложения к его «Очерку истории Морского кадетского корпуса» (где он ошибочно датирован 1713 годом)²⁰, мы сочли не лишним воспроизвести его с исправлением допущенных первыми публикаторами неточностей. Следующий документ (1.2 в нашей подборке) содержит предложение о создании особой комиссии для составления морского регламента и одновременно – об организации строительства кораблей на Адриатике, ко-

торым предстояло собрать по средиземноморскому побережью морских специалистов, ремесленников и купцов, желающих переселиться в Россию. Помимо ремесленников, корабли эти предполагалось загрузить в Марселе дешевым «горячим вином», последующая продажа которого должна была окупить всю операцию (и, видимо, принести барону прибыль): от Петра требовалось лишь предоставить гарантии по кредиту, необходимому для начала операции²¹.

Именно этот второй проект и датирован 12 февраля 1715 года – и существенно, что эти два столь разных документа были поданы бароном, можно сказать, единым пакетом. Почерки, которыми написаны беловые версии двух документов существенно разнятся, но в нашем распоряжении имеются черновики переводов этих двух текстов, выполненные одним почерком²². При этом черновик «Проекта для сочинения Морской академии» имеет в верхнем левом углу помету «№ 1», а в конце (л. 18 об.) приписку почерком переводчика: «Сему следует друго дело, которое в подлиннике *писано в одной тетради*», далее опять отчеркнуто и написано «Зри № 2». Соответственно, в левом верхнем углу черновика второго из проектов (начинающегося словами «Ежели его величеству надобно делать генеральной регламент...») имеется помета «№ 2» (л. 19).

Что эти два проекта были созданы Сент-Илером одновременно, следует и из письма барона Петру от 2 марта 1715 года:

Августейший и мочнейший кесарь, – писал Сент-Илер. – Всепочтенно представляю вашему освященному величеству, что по вашим указам толкования двум пунктам вручил я господину Остерману тому две недели есть. Тому 8 до 10 дней есть как имел я честь подать о том же копию господину Великому Адмиралу. Первой пункт есть толь наипаче полезнейший вашему освященному величеству, что изволите доволствие иметь усмотреть в последовании времени, что возможет ваше величество иметь из подданных своих так добрых морских офицеров, как и протчие морские державы. Что касается до второго пункта о предложении, которое я имел честь вашему величеству учинить, для строения кораблей²³.

Очевидно, что речь здесь идет как раз о той самой «тетрати», где под номером 1 шел «Проект для сочинения Морской академии», а под номером 2 – план спекуляции французской водкой. Сходятся и даты: за две недели до 2 марта – это как раз середина февраля, указанная в беловом варианте «адриатического» проекта. Петр же как раз с 9 по 26 февраля отсутствовал в Петербурге: он вместе с Екатериной находился в Красном Селе²⁴.

Несколько обстоятельств обращают здесь на себя внимание. Вопервых, это неопределенность планов барона: на этой стадии он изучает придворный контекст и нащупывает возможные направления прожектирования. Как мы видим, уже

в первые недели своего пребывания в России ему каким-то образом удастся выявить интересующие царя темы, такие как строительство кораблей, в том числе за границей, или импорт иностранных специалистов. Соответственно, формулируется несколько прожектов. Представлению прожектов могло предшествовать какое-то обсуждение с царем: барон упоминает, что подготовил документы «по вашим указам». Из второго, «адриатического», «прожекта», можно понять даже, что это был не первый документ, представленный бароном царю: Сент-Илер упоминает «таких людей, которых я имел честь предложить чрез един от мемориалов моих». Поскольку, однако, «такие люди» в данном случае – это квалифицированные навигаторы, то, может быть, речь идет просто о проекте Морской академии, поскольку он как раз и позволил бы царю завести в своем государстве таких специалистов. Впрочем, уверенности в успехе прожектов нет: в марте Лави сообщал, что Сент-Илер планировал отправиться в Лондон и что его невеста раздобыла для него у крон-принцессы Шарлотты рекомендации к английскому двору²⁵. Очевидно, что барон пытается подстраховаться: если российские прожекты не увенчаются успехом, он постарается использовать матримониальный успех в Петербурге как трамплин для нового раунда прожектерства в Англии.

В итоге, при всей своей кажущейся абсурдности, прожекты на поверку оказываются склеенными из вполне реальных фрагментов, подсмотренных наблюдательным бароном в Пе-

тербурге. Возьмем «адриатический прожект»: как известно, именно в этот период Борис Иванович Куракин по приказу Петра строит новые и покупает готовые корабли для российского флота в Голландии и Англии. Одновременно тот же Лави сообщает о миссии Лефорта-младшего, отправленного рекрутировать в Европе ремесленников на строительство Петербурга²⁶: эти планы воспринимаются французским правительством вполне серьезно и вызывают даже легкую панику в Морском совете, подогреваемую тем же самым Лави и французским консулом в Данциге²⁷. Примечательно, что один из нескольких французских торговых кораблей, добравшихся таки в 1715 году в Санкт-Петербург, был гружен именно вином и водкой: узнав о его прибытии, Петр лично прибыл на борт и продегустировал напитки²⁸. Наконец, развернуться «адриатический» проект должен был именно в том регионе, где барон отметился своими похождениями и который он хорошо знал: в июле Лави доносил, что Сент-Илер переписывался с французским консулом в Мессине, которая была ключевым пунктом в предприятии²⁹. Кажется, даже идея жениться на придворной даме могла быть «подсмотрена» бароном: 28 января, буквально через несколько недель после его прибытия в Петербург, там состоялась свадьба другого француза, Никиты Петровича (Франца) Вильбоа, с русской придворной дамой, внешняя непривлекательность которой, по словам Лави, компенсировалась ее обшир-

ными поместьями в Ливонии и Эстляндии³⁰.

Одновременно мы видим достаточно последовательный интерес со стороны Петра к устройству французского флота и флотской администрации. Еще за год до описываемых событий Б.И. Куракину было поручено раздобыть копии всех уставов и регуляций французского флота, и уже в марте 1714 года «ордонанция французская адмиралтейству» была направлена Петру. Видимо эта «ордонанция» – как раз тот устав «*Ordonnance de Louis XIV pour les armées navales et arsenaux de marine*» от 15 апреля 1689 года, который в сентябре того же года Петр поручил переводить Конону Зотову. Перевод был закончен уже к концу ноября того же года, а 24 января 1715 года, то есть, видимо, буквально через несколько дней после первой беседы Петра с Сент-Илером, Конону Зотову велено было ехать во Францию, вступить там в морскую службу и все «присматривать» касательно адмиралтейства и флота, и «все, что ко флоту надлежит на морю и в портах, сыскать книги» и их перевести³¹. Именно на фоне этого интереса Сент-Илер и готовит свой «Проект для сочинения Морской академии», который при ближайшем рассмотрении оказывается практически дословным переводом двух разделов (раздел 1 главы 7 и раздел 1 главы 19) того самого французского устава «*Ordonnance de Louis XIV*». В первом случае в его перевод не вошли статьи 1–5 (необходимость подтверждения дворянского происхождения гардемарин и порядок зачисления в гардемарины), статьи 15–18

(запрет покидать порт, к которому они приписаны, без разрешения) и статьи 25–27 (запрет покидать корабль во время морского похода без разрешения, а также размер жалования). Во втором случае не использованы статьи 1–2 (необходимость следовать установленному расписанию), статьи 9–11 и 19 (обучение кораблестроению, артиллерийскому делу, дворянским наукам и строевой подготовке, уже затрагивавшиеся во фрагменте, основанном на главе 7) и статья 18 (порядок рассмотрения журналов, которые гардемарины вели в походе). В целом из всего проекта не являются прямым переводом глав 7 и 19 ордонанса лишь первые три абзаца, устанавливающие возрастные ограничения для гардемарinov, структуру корпуса и должность «комманданта». Примечательно, однако, что Сент-Илер, судя по всему, не пользовался переводом Конона Зотова. Текстуальное сравнение показывает, что, хотя в основе обоих текстов лежит один и тот же оригинал, стилистика переводов различается:

«Проект для сочинения Морской Академии» Сент-Илера (РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–7 об.)

«Устав Людовика 14, короля французского» в переводе К. Зотова (РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 49. Л. 74 об. «Устав Людовика 14, короля французского», Гл. 7)

[л. 2] Два часа после полдень да найдутся они в назначенном месте в арсенале, для мушкетного учения;

[л. 74] ...Повинны прийти в час пополудни к месту, [л. 74 об.] назначенному в арсенале для обучения артикулу с мушкетом и иных обращений воинских, яко баталион каре и прот., а отправляться сие должно замкнув ворота и без барабану.

9. Потом повинны пойти в полату, где карабельные мастера и иные искусные офицеры будут им по правилам толковать состроение кораблей, и пропорции о всех частях в карабле; откуда поведутся в школу к пушкарям и учатся пушечной стрельбе.

Оставля ружье свое, да идут они в салу строения где карабельные мастера, и искуснейшие офицеры будут им толковать чрез правило маниру, как корабли строить, и пропорции всех штук, которые те корабли составляют, оттоль да ведут их в пушечную школу для обучения.

[л. 2 об.] Бригадир и подбригадир, входя в школы, имеют свои бригады смотреть, и радеть, чтоб молчание было, також чтоб всякой поочередно дело свое делал...

10. Брегадиры и подбригадиры, приходя в школы, повинны собрать свои брегады и смотреть, дабы была тихость между ими, и чтоб всякой принимал учение от мастеров з добрым порядком, то есть один после другаго...

Так или иначе, февральский проект академии, очевидно,

в целом устроил Петра. Во всяком случае уже в середине апреля Сент-Илер составляет и направляет царю свой контракт-«капитуляцию» (документ 1.3)³², а из письма барона Петру от 12 мая следует, что «капитуляция» к этому времени уже получила одобрение и была им подписана³³. В последующей переписке Сент-Илер неоднократно ссылается на свой генеральский чин, и ни Петр, ни русские сановники этих претензий не оспаривают. Из документов также видно, что где-то с середины 1715 года барон действительно начинает получать жалованье. В начале лета 1715 года назначение Сент-Илера директором академии становится общеизвестным фактом³⁴.

В конце лета работа по созданию Морской академии активизируется, 31 июля царь отдает распоряжение о переводе всех учеников и учителей Навигацкой школы из Москвы в Санкт-Петербург к 1 октября. Однако перевозка 600 с лишним человек, тем более по осенней распутице, оказалась неразрешимой логистической задачей, и к началу октября принимается решение перевести в новую столицу лишь 300 учеников, а прочих оставить в Москве³⁵. Сент-Илеру, однако, уже к 18 сентября стало известно от Апраксина, что Академия будет насчитывать именно 300 человек, и в связи с этим он пишет царю письмо «представление», а по сути, новый проект (см. документ 1.4)³⁶. В преамбуле Сент-Илер ссылается на свой предыдущий план («учреждение, которое он имел честь вашему кесарскому в[еличеству].пред-

ставить»), но почему-то указывает, что план этот не может быть реализован при такой численности учеников «без великого смущения». Это довольно удивительно: ведь «Проектом для сочинения Морской академии» в ней как и предполагалось иметь 200–300 шляхтичей. Теперь же оказывается, что при такой численности учащихся невозможно будет разместить в Кикином доме, так что требуется строительство специального помещения и увеличение штата преподавателей до 60 человек. Проект этот попал в руки Петру лишь 30 сентября и вызвал острые комментарии со стороны царя³⁷.

Тем временем, судя по всему, Сент-Илер продолжал работу над своими проектами, результатом которой стала «Инструкция Морской академии» (далее – «Инструкция»), опубликованная в «Полном собрании законов» (далее – ПСЗ) под датой 1 октября 1715 года³⁸. Как легко заметить, документ этот имеет мало общего с предыдущими текстами, что заставило, например, Веселаго прямо заявить, что Сент-Илер не имел к созданию этого проекта никакого отношения³⁹. Это, очевидно, не так. В «Деле об учреждении в С. Петербурге Морской академии» содержится черновик этой инструкции⁴⁰: он не подписан и не датирован, однако выполнен тем же почерком, что и переводы более ранних проектов. Из правки в документе также видно, что именно в ходе работы над ним и появился в окончательном виде текст, опубликованный в ПСЗ⁴¹. Таким образом, с большой вероят-

ностью перед нами текст, появившийся в процессе перевода первоначальной, иноязычной версии «Инструкции морской академии» на русский язык.

Эту версию подтверждает и другое, недатированное письмо Сент-Илера Петру, перевод которого содержится в той же подборке документов (документ 1.5)⁴². Здесь Сент-Илер просит царя утвердить ранее сочиненные им «29 артикулов, которые во учреждение служить имеют корпусу морской гвардии». Опубликованная в ПСЗ «Инструкция» от 1 октября 1715 года как раз и насчитывает 29 пунктов. Существенна и еще одна деталь: барон также просит Петра «под каждым артикулом назначить штраф как ваше величество за благо разсудит»: таким образом, опубликованные в ПСЗ дополнения к тексту «Инструкции» были сделаны царем не по собственной инициативе, а по просьбе барона.

«Инструкция» не пересекается с предыдущими текстами Сент-Илера, но и не противоречит им. Скорее они описывают разные стороны жизни создаваемой Академии. Если «Проект» задает программу обучения и структуру учебного процесса, то «Инструкция» регламентирует вопросы внутреннего распорядка: поведения, несения караульной службы, подчинения и иерархии и так далее. Можно предположить, что «Инструкция» создана в развитие «Проекта»: в своей капитуляции барон запрашивал совершенную «мочь политично их [гардемаринов] наказывать, когда они дела своего исправлять не будут, и того что им предписано будет

для обучения их о житии и учении их», и теперь задавал нормативную основу для реализации полученных полномочий. Зарубежный прообраз «Инструкции» (если он существовал) нам выявить пока не удалось.

В октябре, судя по всему, началась практическая деятельность Академии⁴³. Из документов мы видим, что барон действительно принимает участие в академических делах: он докладывает в Адмиралтейство, что многие недоросли неграмотны, инициирует отправку таких неграмотных в Новгород в школу при тамошнем епископском доме, выявляет совершенно неспособных, по его мнению, недорослей («во учении быть невозможно») и так далее⁴⁴. 8 октября в Академии, похоже, побывал Петр (в тот день «Его Величество был в Адмиралтействе, и в школах»), визит повторился 3 ноября («Его Величество был во Академии, срисовали человека»)⁴⁵. Это единственные известные нам случаи, когда источники фиксируют визит Петра в Морскую академию. В промежутке между этими двумя визитами произошло событие, которое не могло не оказать серьезного влияния на положение Сент-Илера: скончалась кронпринцесса Шарлотта. Одновременно барон разругался с переехавшим в Санкт-Петербург из Москвы Андреем Фархварсоном, который напроць отказался подчиняться Сент-Илеру и в итоге был вместе с геометрическим классом выведен Апраксиным из подчинения барону⁴⁶.

Наконец, в январе 1716 года президентом Академии был назначен граф А.А. Матвеев, что являлось прямым нарушением заключенной с Сент-Илером капитуляции, прямо устанавливавшей, что директор Морской академии напрямую подчиняется царю и генерал-адмиралу. Последовавшее за этим противостояние между бароном и графом, вылившееся к концу 1716 года в открытый скандал, и стало контекстом для дальнейшего прожектерства Сент-Илера. По его собственным словам, на протяжении первых месяцев 1716 года он направлял царю «многие мемориалы» и о нуждах Академии «стократно предлагал и просил»⁴⁷. До нас дошел один из этих мемориалов (документ 1.6): в отличие от более ранних документов, он, возможно, даже не был переведен на русский – у нас есть лишь французский оригинал. Если раньше целью проектов было привлечь внимание Петра к фигуре прожектера и выторговать для него те или иные звания и привилегии, то теперь содержание прожекта определяется другой задачей: он призван отстоять прерогативы барона в его конфликте с Матвеевым. Речь, как мы видим, идет о попытке ограничить полномочия графа (интересно, что он ни разу не именуется в тексте «президентом» Академии – Сент-Илер оспаривал его право на этот титул) и одновременно зафиксировать контроль барона над внутренним управлением в Академии⁴⁸.

Подобные попытки Сент-Илера отстоять свою административную самостоятельность и ограничить вмешательство

Матвеева в дела Академии не могли не вылиться в обострение конфликта между графом и бароном, хроника которого зафиксирована в переписке двух соперников с адмиралом Апраксиным. Детальная хроника этого конфликта, перешедшего в острую фазу после тривиального эпизода с наказанием бароном в начале августа 1716 года группы учеников за якобы написанное ими на классной доске непотребное слово, приводится в работе Лидии Балакиревой, и потому повторять их здесь нет необходимости⁴⁹. Весьма красочные обвинения и упреки, которыми осыпали друг друга Матвеев и Сент-Илер в язвительных письмах, занимают десятки страниц архивных документов. В итоге, однако, Матвеев показал себя гораздо более искусным тактиком аппаратной борьбы – хотя силы, конечно, были неравны с самого начала: граф пользовался неизмеримо более высоким уровнем поддержки со стороны и Апраксина, и Меншикова. В итоге к концу 1716 года оба соперника просили или освободить их от руководства

Академией, или предоставить им полную власть в учебном заведении. В январе 1717 года Апраксин донес царю, что конфликт между Матвеевым и Сент-Илером достиг такого накала, что наносит урон Академии: адмирал предложил или «развести» соперников (видимо, четко зафиксировав их полномочия и сферы ответственности), или прекратить двоевластие, уволив одного из них, – и ставку в этом случае предлагалось сделать на Матвеева. К марту Петр

одобрил это решение. Сент-Илер попытался отыграть назад и помириться с Матвеевым, но было поздно⁵⁰.

Обстоятельства как создания публикуемых здесь проектов, так и увольнения Сент-Илера во многом объясняют, конечно, почему подготовленные бароном правила и регламенты не были востребованы его преемниками. Мы видим, что роль Петра в их разработке была минимальной и совершенно пассивной. Он не инициировал их создания, не давал каких-то установок касательно их содержания и не участвовал в их редактировании. Нельзя сказать, конечно, что документы эти создавались помимо воли Петра: мы видим, что он знакомился с ними и в целом одобрял их. Однако официальное утверждение инструкции 1715 года произошло именно по запросу Сент-Илера. Неудивительно, что Матвеев, насколько мы знаем, ни разу не ссылаясь на эти документы – в том числе, и на инструкцию, несмотря на ее статус высочайше утвержденного документа. Когда в начале 1719 года Матвеева сменил Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (1675 – после 1752)⁵¹, Адмиралтейство направляет ему эту «Инструкцию»: характерна уже сама необходимость привлечь таким образом внимание нового академического начальства к этому, казалось бы, основополагающему документу. Однако Адмиралтейство хотя и отмечало, что «пункты» эти «состоялись за собственною Его Царского Величества рукою», Скорняков тем не менее счел возможным

подвергнуть их собственному «рассмотрению», объявив, что многие из них нуждаются в корректировке, и предложить в результате собственную версию⁵². В итоге Скорняков произвел 10 собственных пунктов, частью позаимствованных у Сент-Илера, а частью разработанных заново (документ 1.7). В основном, пункты эти посвящены вопросам дисциплины, но в военном ее аспекте – где размещать часовых, кто должен запира́ть на ночь ворота, напоминание о необходимости гасить на ночь огни, чтобы избежать пожара. По вопросу о размещении студентов, столь важному для Сент-Илера, позиция Скорнякова не вполне ясна: с одной стороны, он настаивает, что учащиеся должны проводить ночь исключительно в своих «камерах», а с другой, отменяет некоторые пункты «Инструкции» барона как потерявшие релевантность именно потому, что учащиеся в действительности расквартированы в городе. Вопросы же академической дисциплины и организации учебного процесса в целом Скорняковым не затрагиваются совершенно.

В дальнейшем мы не встречаем в документах отсылок к «Инструкции» 1715 года. Более того, мы видим что приемники Сент-Илера и не ощущают практической потребности в системных регламентирующих документах. Правда, почти одновременно с переработкой «Инструкции» Скорняков-Писарев выпускает и «пункты» комиссару (администратору) московской школы Марку Таптыкову (документ 1.8), но попытки организовать и упорядочить внутреннюю жизнь

школы мы здесь не видим. В документе лишь фиксируется численность учащихся, устанавливаются размеры жалования персоналу школы, а также порядок взимания взносов на содержание школы с московских «царедворцев». Из него также следует, что одновременно отдельные «пункты» с указаниями о порядке обучения школьников в Москве были направлены Леонтию Магницкому, но ни оригинала этих пунктов, ни каких бы то ни было ссылок на них в последующей переписке обнаружить пока не удалось – следует признать, что с большой вероятностью они так и остались на бумаге. Сменивший Скорнякова в 1722 году молодой кузен Петра Александр Львович Нарышкин (1694(?) – 1746)⁵³, обучавшийся, кстати, морскому делу во Франции, как мы видим из документов (1.9–1.12) еще менее был склонен к регламентации внутреннего устройства вверенных ему школ. Контраст здесь достаточно яркий: насколько можно судить, Нарышкин в основном реагирует на вопросы школьных администраторов, но даже и тут старается воздерживаться от системных решений, откладывая определение «на потом» и запрашивая предложения «снизу». Не видим мы при премьерах Сент-Илера и попыток вмешаться в деятельность Академии со стороны и устроить ее на регулярный манер. Все такие попытки, как мы видим, были связаны с прожектерской активностью мнимого барона; с устранением Сент-Илера Академия была в целом предоставлена самой себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.